

Оглавление

Послевоенное предисловие.....	5
Предуведомление.....	6
I. Сретенский жаворонок	8
II. Осада, или Пастух, волк и ягненок	23
III. Бревский кюре	49
IV. Празднолюбец, или Один день весны	73
V. Ласка	102
VI. Перелетные птицы, или Серенада в Ануа.....	135
VII. Чума	150
VIII. Смерть старухи.....	168
IX. Сожженный дом	182
X. Смута.....	198
XI. Кукиш герцогу.....	221
XII. Чужой дом	237
XIII. Чтение Плутарха	251
XIV. Король пьет.....	264

Святому Мартину Галльскому,
покровителю Кламси¹

Вино отборное святым Мартином пьется,
А после из него на мельницу водица льется.

Поговорка XVI века

¹ *Кламси* — город в департаменте Ньевр региона Бургундия, административный центр одноименного кантона и округа. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

Послевоенное предисловие

Эта книга была полностью отпечатана и готова увидеть свет уже до войны, и я ничего в ней не изменил. Кровавая эпопея, участниками которой — героями и жертвами — стали в недавнем времени потомки Кола Брюньона¹, озаботилась доказать миру, что «жив, жив еще Курилка»².

А европейские народы, познавшие славу и изнуренные в битвах, потирая бока, найдут, мне кажется, некоторый здравый смысл в рассуждениях одного «ягненка из наших мест, чей век проходит меж волком и пастухом».

Р. Р.

Ноябрь 1918

¹ Брюньон — коммуна в департаменте Ньевр в центральной части Франции.

² Выражение получило начало от древнего французского обычая после рождения младенца зажигать множество свечей, называемых именами ангелов и святых с тем, чтобы дать ребенку имя той свечи, которая потухнет последней. В России существовала игра — «Курилка» (горящая лучинка), в которой лучинка в кругу играющих переходит из рук в руки с приговоркой: «жив, жив, курилка (ножки тоненьки, душа коротенька)», и тот выходит из круга, у кого курилка погаснет. (См. И. Снигирев. Русские народные праздники (святочная игра).

У А. С. Пушкина: «Фу, надоел Курилка-журналист! / Как загасить вонючую лучинку? / Как уморить Курилку моего? / Дай мне совет. «Да... плюнуть на него»».

Предуведомление

Читатели «Жан-Кристофа» вряд ли готовы к встрече с моей новой книгой. Она удивит их не больше, чем меня самого.

Я был занят сочинением других произведений — драмы и романа из современной жизни, действие которых происходит в весьма трагичной атмосфере «Жан-Кристофа». Как вдруг мне пришлось отложить в сторону все свои подготовительные заметки, уже написанные сцены и заняться сочинением этой бесхитростной книги, о какой я еще день назад и не думал...

Она является реакцией на вынужденную десятилетнюю закованность в доспехи «Жан-Кристофа», которые изначально были по моей мерке, но в конце концов стали мне тесны. Я ощутил неодолимую потребность в глотке вольной галльской веселости, доходившей до дерзости, да, именно так. В то же время возвращение в родные места, где мне не привелось быть с юношеских лет, позволило мне вновь припасть к моей родной Бургундии, к графству Невер, и пробудило во мне прошлое. Казалось, оно навсегда уснуло, однако пробудило во мне всех Кола Брюньонов, которых я ношу в себе. У меня возникла потребность говорить за них. Ведь эти окаянные болтуны не наговорились на своем веку! Они воспользовались тем, что один из их потомков обладает завидной привилегией — умением писать

(как же часто их брала зависть!) и привлекли меня в качестве писца. Как я ни отбивался:

— Прадед, у вас была возможность выговориться! Дайте и мне сказать. Каждому свой черед!

Они отвечали:

— Сынок, будешь говорить, когда я закончу. Для начала, что интересного ты можешь рассказать? Садись-ка да слушай, и не пропускай ни словечка... Ну, давай, птенчик, сделай это для своего прадеда! Потом поймешь, когда окажешься там, где мы сейчас... Знаешь, самое ужасное в смерти — это вынужденное молчание...

Что было делать? Пришлось уступить, я стал писать под их диктовку.

И вот работа завершилась, и я вновь свободен (по крайней мере, полагаю, что это так). Вернусь к изложению собственных мыслей, если, конечно, один из моих словоохотливых старичков не вздумает выбраться из могилы, чтобы надиктовать мне свои послания будущим поколениям.

Я не смею поверить, что компания моего Кола Брюньона так же потешит читателей, как и автора. Пусть эта книга воспринимается ими такой, какая она есть, — откровенной, без затей, без претензий преобразовать мир, как и объяснить его, лишенной политики, метафизики, созданной «на добрый французский лад», подтрунивающей над жизнью, поскольку та представляется ей стоящей, а автор книги пребывающим в полном здравии. В общем, как говорит Девственница (а как обойтись без нее в начале галльского рассказа): дружище, «примите ее благосклонно»...

*Ромен Роллан
Май 1914*

I

СРЕТЕНСКИЙ ЖАВОРОНОК

2 февраля

Будь благословен святой Мартин! В делах заминка. Нечего и пупок себе надрывать. Довольно я потрудился на своем веку. Передохнем чуток и насладимся жизнью. Я сижу за столом, по правую руку — кружка вина, по левую — чернильница; красивая новенькая тетрадка лежит передо мной, открыв мне свои объятия. За твоё здоровье, сынок, поговорим! Внизу рвет и мечет моя женушка. За окном шумит северный ветер, дело близится к войне. Да пусть! Какое счастье побыть вдвоем наедине с тобой, мой милый пузан! (Это тебе я говорю, я, у которого ряшка — кровь с молоком, каких мало, смеющаяся, с длиннющим бургундским носом, посаженным набекрень, словно шляпа, съехавшая на ухо...) Но скажи мне, прошу тебя, что за странное удовольствие я испытываю, оставаясь наедине с тобой, склоняясь к своему уже немолодому лицу, весело пробегая по всем его морщинкам и, будто из глубины колодца — тьфу ты! не колодца, а погреба, — черпая в сердце чарку старых дорогих воспоминаний? Ладно бы по мечтать о том о сем, но описывать то, о чем мечтаешь! Да что я говорю — мечтать! Глаза мои широко открыты, при этом чуть прищурены у висков, благодушны и насмешливы; пустые мечты — удел других! Я рассказываю о том, что видел сам, о том, что говорил и делал сам... Безрассудство, не правда ли? Для кого

я пишу? Конечно, не для славы: я не животное и знаю, чего стою, слава богу! Для своих внуков? Из всех моих бумаг что останется через десять лет? Старуха ревнует меня к моей писанине, и все, что попадаетея ей под руку, сжигает... Для кого же тогда? Да для самого себя! Для собственного удовольствия. Коли не буду писать, так сдохну. Не зря же я внук того, кто на сон грядущий не мог не записать количество чарок, которые опорожнил сам и преподнес другим. Мне страсть как приспичило почесать язык, а в родном Кламси состязаниями в болтовне не насытишься. Мне требуется излить, что накопилось, подобно брадобрею царя Мидаса. Мой язык несколько длинноват; если меня услышат, то я рискую попасть на костер... Ей-богу! Но не будешь рисковать, задохнешься от скуки. Я, грешным делом, люблю, подобно нашим крупным белым волам, пережевывать вечером дневной корм. Как же здорово пощупать, потрогать, погладить все то, о чем подумалось, что подсмотрелось, попалось на глаза днем, посмаковать, попробовать на вкус, еще и еще раз, подержать на языке, чтобы растаяло, потом медленно заглотнуть, рассказывая себе о том, чего не успел спокойно отведать, пытаюсь поймать на лету! Как же хорошо пройтись по своему маленькому миру и сказать себе: «Он мой. Здесь я хозяин и господин. Ни холод, ни мороз ему не страшны. Ни король, ни понтифик, ни войны. Как и моя ворчливая старуха...»

А ну-ка, подобьем бабки всему, что имеется в моем мире!

Перво-наперво у меня есть, — что может быть лучше, — я сам: добрый малый, видный бургундец, Кола Брюньон, толстобрюх, которого не берет уго-

мон, и наружностью и манерами внушающий доверие. Не первой молодости, пардон, за полвека перевалило, но крепкий, как першерон, со здоровыми зубами, с глазами, как у ястреба вдогон, и густой шевелюрой, пусть и седой... мой вам поклон. Не скажу, что по мне лучше бы он был светловолосым и что, предложи вы ему вернуться на двадцать или тридцать лет назад, я бы стал привередничать. Но, как ни крути, пять десятков лет — прекрасный возраст! Смейтесь, юнцы! Не всяк доживет до таких годов.

Думаете, так просто свековать в наше время, на протяжении пятидесяти лет скитаясь по дорогам Франции? Господи! Сколько выпало всего, друг сердечный, и ясного солнышка, и беспогодицы! Чего только не выпало на нашу долю: и поджарило нас, и прополоскало, и высушило! В эту суму из дубленой кожи каких только удовольствий и бед не набилось-не набралось: и хитростей, и балагурства, и шукачества, и безрассудства, и сена, и соломы, и фиг, и винограда, и зрелых плодов, и дичков, и роз, и шипов, сколько всего виданного-перевиданного, читанного-перечитанного, испытанного и неожиданного! Все вперемешку поместилось в этой суме! И так забавно рыться в ней! Однако погоди, мой Кола! Отложим до завтра. Если я начну сегодня, то не закончу до ночи... А сейчас займемся вот чем: составим опись того, чем я владею.

У меня есть дом, жена, четыре сына, дочка, замужняя (слава тебе Господи!), зять (куда ж без него!), восемнадцать внуков, осел серой масти, пес, шесть кур и свинья. До чего ж я богат! Наденем-ка очки, чтобы получше рассмотреть наши сокровища. По правде говоря, о последних из помянутых приходится лишь

вспоминать. По нашим местам прокатились войны, прошли солдаты, враги, да и друзья, бывало, как нагрянут... Свинка пошла на сало, да и того осталось мало, от осла чуть поболее — рожки да ножки в поле, в погреб гляди не гляди, хоть шаром покати, в птичнике тож — ни птенца, ни яйца.

А вот женушка, с нею — черт бы ее побрал со всем! — ничего не делается! Вы только послушайте, как она глотку надрывает. Как тут забудешь, какое счастье тебе привалило: она моя, я обладатель прекрасной птицы! Я, и никто другой! Ох уж этот плут Брюньон! Кто ему только не завидует... Господа, вы только скажите... Ежели кто желает взять ее себе! Я возражать не стану. Бережливая, деятельная, строгая, честная хозяйка, словом, сама добродетель (да только что проку? Признаюсь, старый греховодник, что семи худосочным добродетелям предпочту один дородный грешок... Да что уж там, остережемся греха ражего, такова воля Господа нашего). Ой, как же она бьется-колотится, наша Мария Прекрасная, палкообразная и громогласная, повсюду сует свой нос, допытывается, ворчит, брюзжит, ругается налево-направо, снует туда-сюда, с чердака в погреб, из погреба на чердак, разгоняя пыль и спокойствие! Вот уже три десятка лет, как мы женаты. Одному черту известно, почему и зачем! Я-то любил другую, но та надо мной смеялась; а эта добивалась меня, хоть и не нужна была мне. В то время она была невысокой брюнеткой с бледным лицом, взгляд ее жгучих зрачков мог испепелить — ну просто две капли кислоты, что прожигает сталь. Она в меня до чертиков влюбилась. И поскольку преследовала меня (до чего же глупы мужики!), я то ли из жалости, то ли из тщеславия,

а больше от усталости, чтобы избавиться от наваждения (неплохой способ!) стал (как тот болван, что в дождик лезет в чан) ее мужем. Но с тех пор это милое создание мстит мне. За что? За то, что полюбила меня. Она приводит меня в ярость, вернее, ей хотелось бы этого, но у нее ничего не выходит: я слишком люблю свой покой и не такой дурак, чтобы из-за каких-то там слов хоть на минуту впадать в уныние. Дождик небом заряжен — я не лезу на рожон. С неба грома рев и стон — вторь ему, мой баритон. А когда она вопит — смех во мне так и бурлит. Да и почему ж ей не кричать? Неужто у меня рука поднимется помешать ей, этой женщине? Нет, я не желаю ее смерти. Там, где баба завелась, тишина прочь унеслась. Пусть себе заводит свою песенку, а я свою. Поскольку у нее и в мыслях нет заткнуть мне мой клюв (слишком хорошо знает, чем ей это грозит, потому и остерегается), пусть чирикает: у каждого своя песенка.

Вообще же, совпадают наши песенки или нет, мы настрогали довольно красивых ребятишек: девочку и четырех мальчуганов. Все крепкие, ладные: уж я не поскупился на материал, сработал со знанием дела. Да вот только из всего выводка единственная, в ком я совершенно узнаю свое семя, — это моя дочка, Мартина-плутовка, кошечка-чертовка! Ох и трудненько было без ущерба и потерь довести до брака дочь! Уф! Теперь уж она успокоилась! Хотя как знать... но это уже меня не касается. Довольно я бдел да потел. Теперь пусть мой зятек покрутится как волчок. Зовут его Флоримон, он пирожник, кому как не ему и приглядывать за печкой! Всякий раз как мы с дочуркой сойдемся, так спорим, но ни с кем другим я так не лажу. Дочка у меня удалась на славу,